

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-890-913>

Научная статья / Research article

Организации трудовых иммигрантов Чехословакии на территории Фроловского района Нижне-Волжского края в 1920–1930-е гг.

О.В. Ерохина^а, Е.Л. Фурман^б

^а Московский педагогический государственный университет
119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, 88
erokhinaov@gmail.com

^б Волгоградский государственный университет,
400062, Россия, Волгоград, просп. Университетский, 100
ekaterina.furman@volsu.ru

Аннотация: В статье, на основе неопубликованных ранее архивных источников, исследуется актуальная в современном научном сообществе проблема трудовой иммиграции. Авторы, на примере создания и деятельности производственных кооперативных объединений чехословацких трудовых иммигрантов («Сельскохозяйственной коммуны Чехословацких эмигрантов» и кустарно-промыслового «Товарищества Чехословацких эмигрантов»)¹ на территории Фроловского района Нижне-Волжского² края в 1920–1930-е годы, реконструировали опыт регулирования трудовой иммиграции в СССР. В процессе исследования удалось проиллюстрировать практику применения советского законодательства в сфере трудовой иммиграции в СССР, а также специфику его применения в конкретной исторической ситуации в рассматриваемом регионе, охарактеризовать направления взаимодействия производственных коопера-

¹ В кавычках используется зарегистрированное в уставе официальное название производственных организаций Чехословацких трудовых иммигрантов // См. подробно: ГАВО. Ф. 2761. Оп. 1. Д. 4.

² В 1920–1930-х гг. в СССР был осуществлен ряд административно-территориальных реформ, в результате которых изменялись границы территориальных единиц, их наименования (так называемое укрупнение и разукрупнение). В 1925 г. Царицынская губерния была переименована в Сталинградскую, которая была включена в состав образованного в 1928 г. Нижне-Волжского края. В 1934 г. Нижне-Волжский край был разделен на Сталинградский и Саратовский края. В название вынесено наименование административных единиц, к территории которых относились организации чехословацких трудовых иммигрантов в рассматриваемый период. С 1926 по 1928 гг. кооперативно-производственные организации располагались на территории Кременской волости Усть-Медведицкого округа Сталинградской губернии. С 1928 по 1934 гг., после ликвидации Усть-Медведицкого округа и образования Нижне-Волжского края, они оказались на территории Фроловского района Хоперского округа Нижне-Волжского края, а после деления последнего на Сталинградский и Саратовский края перешли в состав Фроловского района Сталинградского края.

тивных организаций чехословацких трудовых иммигрантов с партийными и хозяйственными органами власти, выявить основные этапы их становления и развития, а также особенности процесса адаптации иностранных рабочих в СССР. В процессе исследования авторы приходят к выводу, что государственная политика СССР в сфере трудовой иммиграции в процессе ее реализации приобретала весьма определенную региональную специфику. Благодаря комплексной поддержке кооперативных и хозяйственных учреждений, региональных и центральных органов власти производственные объединения чехословацких трудовых иммигрантов сумели преодолеть трудности организационного этапа и впоследствии внести заметный вклад в укрепление и развитие хозяйственного комплекса Фроловского района Нижне-Волжского края. Усилиями граждан Чехословацкой республики впервые во Фроловском районе обувная и кожевенная промышленность была организована на промышленном уровне. На основе созданной трудовыми иммигрантами артели «Красный вагранщик» позже появился завод «Металлист». Описанный опыт государственного регулирования трудовой иммиграции в СССР может быть успешно использован в практике международного сотрудничества современной России.

Ключевые слова: трудовые иммигранты, сельскохозяйственная коммуна, кустарно-промышленное товарищество, Чехословакия, СССР, Сталинградская губерния, Нижне-Волжский край

Для цитирования: Ерохина О.В., Фурман Е.Л. Организация трудовых иммигрантов Чехословакии на территории Фроловского района Нижневолжского края в 1920–1930-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 4. С. 890–913. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-890-913>

Введение

В условиях глобализации в современном мире миграция становится неотъемлемым элементом интеграционных процессов, а регулирование миграционных потоков – одной из ведущих проблем социально-экономической политики любого современного государства. В Российской Федерации, которая занимает, наряду с США и Саудовской Аравией, лидирующие позиции в мире по количеству мигрантов, разработка миграционного законодательства, миграционной политики в целом, является залогом формирования оптимальной модели экономического развития. При этом особое внимание в утвержденной 14 июня 2012 г. Концепции миграционной политики Российской Федерации уделяется проблеме привлечения иностранной рабочей силы, регулированию численности иностранных работников на территории РФ³. В связи с этим представляется весьма актуальным обращение к опыту миграционной политики и практики в СССР в 1920–1930-е гг. –

³ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/>

в самый неоднозначный период восстановления и трансформации народнохозяйственного комплекса страны. Иностранная экономическая иммиграция в СССР в рассматриваемый период стала одним из самых заметных явлений отечественной истории XX в. Представители иностранных государств работали в Советском Союзе, заключая индивидуальные контракты или по договорам о технической помощи. Если для первой половины 1920-х гг. преобладающим мотивом приезда в СССР был идеологический, то во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. на первое место выдвигаются экономические причины, обусловленные наступающим мировым экономическим кризисом и, как следствие, – нарастающей безработицей в странах Европы и Северной Америки. Приезжавшие в СССР сельскохозяйственные и промышленные рабочие селились организованными группами и создавали собственные предприятия в аграрной сфере или промышленности. При этом на государственном уровне миграционные потоки подвергались жесткой регламентации: принимались организованные группы трудовых иммигрантов, обеспеченные продовольствием, одеждой, инвентарем и всей необходимой техникой. Особо подчеркивалось, что никаких исключительных преимуществ по сравнению с советскими рабочими и служащими иностранные граждане не получали⁴.

Первые работы, где поднималась проблема использования иностранной рабочей силы в СССР, из немногочисленных публикаций советской историографии, появились уже в 1930-е гг. в процессе разработки государственной миграционной политики и практики ее осуществления. Это прежде всего работы с ярко выраженным пропагандистским уклоном, утверждавшие идеи укрепления международной пролетарской солидарности, руководящую роль коммунистической партии в этом процессе⁵, а также воспоминания самих рабочих и служащих, пребывавших в СССР⁶.

Активизация интереса к истории привлечения иностранной рабочей силы на промышленных стройках и в сельском хозяйстве СССР в 1950–1960-е гг. была связана с наступлением оттепели. В эти годы публиковались работы, освещавшие роль иностранных рабочих и специалистов

⁴ *Тарле Г.Я.* Друзья страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920–1925 гг. М.: Наука, 1968.

⁵ *Иностранные рабочие на стройке СССР.* М.: Профиздат, 1932; *Рубинер Ф.* Партийно-массовая работа среди иностранных рабочих. М.: Мысль, 1932; *Сибиряк В.* На стройке социалистического отечества (иностранные рабочие и специалисты на наших гигантах). М.: Б.и., 1933.

⁶ *Виттенберг Э., Мате Э., Позе Ф.* Берлинские пролетарии рассказывают. М.: Профиздат, 1933.

в период восстановления народного хозяйства СССР⁷, индустриализации в целом (в том числе по отдельным промышленным предприятиям, созданным с привлечением иностранных рабочих и специалистов)⁸, проблемы международного трудового сотрудничества⁹.

В 1970–1980-е гг. проблема иностранной трудовой иммиграции, международного трудового сотрудничества нашла свое отражение в работах Л.С. Озерова, Ю.А. Львунина, В.И. Касьяненко¹⁰. Роль иностранной помощи в процессе осуществления модернизации советской промышленности оценивалась в исследованиях как вспомогательная.

На современном этапе историография проблемы характеризуется пересмотром устоявшихся в советской исторической науке оценочных суждений, усилением регионального аспекта, а также расширением тематики исследований. В частности, в монографии С.В. Журавлева на основе анализа значительного массива исторических источников, на примере иноколонии рабочих московского Электрозавода поднималась проблема социальной адаптации иностранных граждан в СССР и практически неисследованная тема репрессий¹¹. В работах М.М. Загоруйко, В.В. Булатова, Т.В. Юдиной освещались вопросы международного сотрудничества в рамках концессионной политики и практики в СССР в 1920–1930-е гг.¹².

⁷ *Тарле Г.Я.* Друзья страны Советов...

⁸ *Петросян К.А.* Советский метод индустриализации. М.: Госполитиздат, 1951; *Локишин Э.Ю.* Очерк истории промышленности СССР 1917–1940 гг. М.: Политиздат, 1956.

⁹ *Мужиков И.П., Каниметов А.К., Маречек Р. П.* История чехословацкого кооператива «Интергельпо». Фрунзе: Кыргызгосиздат, 1957; *Матушкин П.Г.* Дружба, солидарность: Интернациональные связи уральцев с трудящимися зарубежных стран. Челябинск: Кн. изд-во, 1960; *Горьковский автомобильный: Очерки истории завода / Под ред. П. Алешина, С. Голикова, А. Гуляева, М. Драгунова.* М.: Профиздат, 1964; *Матушкин П.Г.* Урало-Кузбасс – торжество ленинской политики индустриализации. Челябинск: Кн. изд-во, 1966.

¹⁰ *Касьяненко В.И.* Завоевание экономической независимости СССР (1917–1940 гг.). М.: Политиздат, 1972; *Озеров Л.С.* Дело трудящихся всех стран: Международная солидарность трудящихся СССР и зарубежных стран в период строительства социализма в СССР. М.: Политиздат, 1978. *Он же.* Индустриализация СССР и международный пролетариат 1926–1932 гг. М.: УДН, 1983; *Львунин Ю.А.* Интернационализм в действии: Интернациональные связи советского рабочего класса в годы социалистического строительства в СССР. М.: Мысль, 1985; *Касьяненко В.И.* Страна Советов и США: опыт и уроки сотрудничества в 1920–30-х годов. М.: Знание, 1989.

¹¹ *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000.

¹² *Загоруйко М.М., Булатов В.В.* Наркомзёмовские концессии: сельское хозяйство и водные промыслы. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010; *Judina T.V., Bulatov V.V., Furman E.L.* “Japanese in the Russian Far East (1900s – early 1930s): Manpower problem on Kamchatka and Northern Sakhalin,” *Bylye Gody* 32, no. 2 (2014): 276–281;

В работах исследователя Б.М. Шпотова рассматривались вопросы технико-экономической помощи США при строительстве крупнейших промышленных объектов периода первых пятилеток в СССР¹³. В работах О.А. Белоусовой, В.В. Павловой исследуются, наряду с организационно-производственными вопросами¹⁴, проблемы быта и повседневности иностранных трудовых колоний в СССР, проблемы социальной адаптации трудовых иммигрантов¹⁵.

Общие вопросы регулирования миграционных потоков в постколониальный период на примере России, США и Японии освещаются в работе Барта Люттихуиса¹⁶. В рамках концессионной практики отдельные вопросы трудовой иммиграции рассматривались также в работах германских исследователей К.Х. Шларпа и М. Шмидер, на основе широкого круга источников исследовавших деятельность германских сельскохозяйственных концессий в СССР в 1920–1930-е гг.¹⁷

Последние десятилетия отмечены публикацией новых сборников документов по истории индустриализации в СССР и международному сотрудничеству в этот период¹⁸.

Юдина Т.В. Концессионная политика и практика на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг.: компромиссы и результаты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. № 3 (21). С. 107–113.

¹³ *Шпотов Б.М.* Политика использования западных технологий как фактор создания крупной индустрии в СССР // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 4. С. 119–122; *Шпотов Б.М.* Взаимовосприятие американцев и русских в годы первой пятилетки (по материалам прессы и деловой переписки) // Отечественная история. 2007. № 4. С. 135–140.

¹⁴ *Павлова В.В.* Использование труда иностранных рабочих в промышленности Советской России в 1920–1930 гг. (на примере завода № 50) // Казанская наука. 2012. № 8. С. 9–14.

¹⁵ *Белоусова О.А.* Иностранные специалисты и советская действительность: быт первых кузнецкстроевцев // Кузнецкая старина. Новокузнецк, Кузнецкая крепость: 2003. Вып. 5. С. 256–269; *Павлова В.В.* Использование труда иностранных рабочих в промышленности Советской России в 1920–1930 гг. (на примере завода № 50) // Казанская наука. 2012. № 8. С. 9–14.

¹⁶ *Bart W. Luttikhuis*, “Postcolonial Migrants and Identity Politics: Europe, Russia, Japan and the United States in Comparison,” *European Review of History: Revue europeenne d’histoire* 21 (2014): 917–919.

¹⁷ К.Н. Schlarp, “Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion 1922–1933 unter besonderer Berücksichtigung der Landwirtschaft,” in *Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert*: Norbert Angermann zum 60. Geburtstag. Lünenburg, 1996), 441–476; М. Шмидер, «*Fremdkörper im Sowjet-Organismus*» *Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunionen 1922–1934* (Franz Steiner Verlag, 2017), 339.

¹⁸ *Индустриализация Советского Союза: Новые документы, новые факты, новые подходы* / Отв. ред. С.С. Хромов. М.: Институт российской истории РАН, 1999; *Хромов С.С.*

Однако, несмотря на актуализацию исследований по истории трудовой иммиграции в СССР в 1920–1930-е гг., отдельные вопросы региональной специфики данного процесса рассматриваются лишь фрагментарно или остаются вне рамок научных исследований. Так, на сегодняшний день отсутствуют специальные исследования, раскрывающие деятельность организаций чехословацких иммигрантов на территории Нижне-Волжского края в 1920–1930-е гг.

Целью нашего исследования является установление роли производственных организаций чехословацких иммигрантов в хозяйственном комплексе Фроловского района Хоперского округа Нижне-Волжского края, в восстановлении и развитии аграрного и промышленного сектора исследуемого региона. В процессе изысканий привлекались ранее неопубликованные документальные материалы, представленные в Государственном архиве Волгоградской области, среди которых особый интерес представляет делопроизводственная документация хозяйственных и партийных органов волостного, окружного, губернского и краевого уровней власти, документация производственных объединений чехословацкой иноколонии, документы личного происхождения, а также законодательные акты органов государственной власти СССР, позволившие реконструировать этапы становления и развития производственных организаций трудовых иммигрантов на территории исследуемого региона.

История создания Чехословацкой сельскохозяйственной коммуны

Весной 1925 г. в окружном центре Годонин на Юге Моравии, в селе Лужице по инициативе окружного комитета коммунистической партии Чехословакии и членов коммунистической партии села Лужице – Якова Гребачка, Яна Флориана, Матодице Бепада, Томаса Кутного – была организована Чехословацкая коммуна, целью которой была подготовка эмиграции своих соотечественников из Чехословакии в СССР¹⁹. Кроме идеологических мотивов, преобладавших у довольно незначительного числа коммунаров, основной причиной отъезда стала нарастающая в Чехословакии безработица, затронувшая в немалой степени и промышленно развитый Годонин²⁰. Некоторые коммунары, побывав в Америке, надеялись «разбогатеть

Иностранные концессии в СССР. М.: Изд. центр Ин-та российской истории РАН, 2006; Россия и США: экономические отношения. 1933–1941 гг.: Сб. док. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Е.А. Тюрина. М.: Наука, 2001.

¹⁹ Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 1229. Оп. 1. Д. 42. Л. 7, 13.

²⁰ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

американским способом» в Советском Союзе, имея весьма расплывчатые представления о социалистической модели экономики, о способе организации производства и распределения в коммуне.

Широкая агитация среди жителей началась весной 1925 г. Каждый вступающий в коммуну вносил паевой взнос в сумме 5 000 крон. Желавшие могли вносить несколько паевых взносов не только деньгами, но и имуществом. За сверх внесенные паи им начислялось 3% годовых²¹. На момент организации в составе коммуны насчитывалось 122 семьи и 410 человек²² (по воспоминаниям коммунаров, 147 семей и 520 человек²³). В Советский Союз прибыло 113 семей в количестве 385 человек²⁴.

Коммуна объединяла сельскохозяйственных и промышленных рабочих, а также в большом количестве безработных. Значительная часть коммунаров вступила в коммунистическую партию Чехословакии непосредственно в год отъезда, надеясь на режим наибольшего благоприятствования со стороны советской администрации для коммунистов. Так, 40 человек вступили в партию в период с 1920 по 1923 гг., 15 – в 1924 г. и в 1925 г. – 41 человек²⁵.

Председателем избранного Совета коммуны стал Ян Флорьян. В состав Совета коммуны входили также Франц Мыкл, Иосиф Данечек, Людвиг Полак, Яков Гребачка, Карл Паулик и Мария Благо²⁶. Решением организационных вопросов, связанных с приобретением необходимого инвентаря, автомашин, сельскохозяйственной техники, продовольствия и одежды занимался сельский нотариус Я. Гребачка. Он же выбирал будущее место жительства коммунаров в СССР. Находясь в период Первой мировой войны в качестве военнопленного австро-венгерской армии на территории Царицынского уезда Саратовской губернии, Я. Гребачка был хорошо знаком с местными условиями.

В начале 1920-х гг., когда Гребачка был в Лужице секретарем сельской партийной ячейки и весьма авторитетным в Годонинском округе партийным лидером, он рассматривал организацию и выезд коммуны в СССР лишь как выгодную коммерческую и политическую акцию. Оснащая коммуну необходимой техникой и осуществляя различные закупочные операции, ему удалось получить огромные комиссионные практически со всех заводов, у которых коммуна приобретала сельхозтехнику и автомобили для

²¹ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 42. Л. 13.

²² Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

²³ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 42. Л. 16.

²⁴ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

²⁵ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

²⁶ Там же. Д. 42. Л. 16.

вывоза за рубеж. Кроме того, участвуя в выборах в республиканский парламент Чехии и не набрав нужного количества голосов, он надеялся, что громкая кампания по созданию и отправке коммуны в СССР придаст ему политический вес и поспособствует созданию имиджа успешного организатора²⁷.

Приезд коммунаров в СССР

Центральный комитет компартии Чехословакии через посредничество чешских коммунистов в Коминтерне и лично Клемента Готвальда обратились к советскому правительству с просьбой о выделении чешским эмигрантам пустующих земель для организации сельскохозяйственного производства²⁸. В 1924 г. в Советский Союз (в город Пишпек, в Киргизию) из Чехословакии выехали представители промыслового кооператива «Интергельпо», организованного рабочими города Жилина²⁹.

Советское руководство, заинтересованное в притоке капиталов и трудовых ресурсов для восстановления и модернизации сельского хозяйства и промышленности, активизирует усилия для привлечения иностранных рабочих и специалистов, преимущественно в форме организованных групп, оснащенных необходимым инвентарем и техникой. В первой половине 1920-х гг. принимается ряд постановлений, определяющих организационную и правовую основу трудовой сельскохозяйственной иммиграции в СССР³⁰, в соответствии с которыми Наркомзему РСФСР в целях поднятия и развития сельского хозяйства поручалось выделение из государственного земельного фонда преимущественно на Юго-Востоке и в Поволжье территории в 220 тыс. десятин для обустройства сельскохозяйственной иммиграции³¹.

Непременным условием допуска и устройства сельскохозяйственных иммигрантов являлся ввоз капитала (основного и оборотного) в размерах, обеспечивавших организацию и ведение хозяйства. Размер и формы ввозимого капитала определялись договором. Расходы по переезду и обу-

²⁷ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

²⁸ Там же. Д. 42. Л. 17.

²⁹ С 1926 г. г. Фрунзе, ныне город Бишкек.

³⁰ Постановление СТО РСФСР «О сельскохозяйственной иммиграции» 02.02.1923 г. // Собр. Узак. 1923. № 10. С. 128; Постановление СТО РСФСР «Об отводе земель для сельскохозяйственной иммиграции» 08.06.1923 г. // Собр. Узак. 1923. № 53. С. 525; Декрет СНК РСФСР «Правила о порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ» 23.08.1923 г. // Собр. Узак. 1923. № 74. С. 716; Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О сельскохозяйственной иммиграции» 02.02.1925 г. // Собр. Узак. 1925. № 20. С. 134.

³¹ Постановление СТО РСФСР «О сельскохозяйственной иммиграции» 02.02.1923 г. // Собр. Узак. РСФСР 1923. № 10. С. 128.

стройству должны были производиться группами и организациями сельскохозяйственных иммигрантов также за свой счет³². При этом особо подчеркивалось, что трудовые иммигранты должны были обладать навыками ведения «сухого земледелия и рационального животноводства»³³.

Для «облегчения условий передвижения сельскохозяйственной иммиграции» в Советский Союз приглашались представители иммигрантских производственных организаций, так называемые ходоки, которые осуществляли предварительный осмотр передаваемых земельных участков и советских хозяйств. Они знакомились на месте с положением дел и предпринимали необходимые меры по подготовке переезда и приемке земельных участков³⁴.

Общее руководство, контроль и содействие сельскохозяйственной и промышленной иммиграции в СССР, а также эмиграции, осуществляла созданная при Совете труда и обороны (СТО) СССР Постоянная комиссия по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции (далее – КомСТО СССР). Без санкции комиссии в пределы СССР иммигранты не допускались³⁵.

Таким образом, следуя установленному советской администрацией алгоритму действий, для поиска подходящих земельных угодий из Чехословакии в СССР, сначала в Москву, а затем в Сталинград отправились «ходоки» во главе с Я. Гребачка.

Еще в 1922 г. по инициативе Наркомзема СССР Росземзапас провел мониторинг «пустующих» земель по Царицынской губернии³⁶. В результате было установлено, что на 1 ноября 1922 г. в губернии насчитывалось 1 156 501 десятина удобной земли, из которых 421 987 десятин считались свободными и пригодными для земледелия³⁷. При этом большая часть пригодных земель располагалась на территориях казачьих округов – Усть-Медведицкого и Хоперского. Так, на территории Усть-Медведицкого округа из общей площади земельных угодий насчитывалось 71,3% удобной земли

³² Постановление СТО РСФСР «О сельскохозяйственной иммиграции» 02.02.1923 г. // Собр. Узак. РСФСР 1923. № 10. С. 128.

³³ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О сельскохозяйственной иммиграции» 02.02.1925 г. // Собр. Узак. 1925. № 20. С. 134.

³⁴ Постановление СТО РСФСР «О сельскохозяйственной иммиграции» 02.02.1923 г. // Собр. Узак. 1923. № 10. С. 128.

³⁵ Постановление СНК СССР о Постоянной комиссии СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции 17.02.1925 г. // СЗ СССР. 1925. № 16. С. 119.

³⁶ С 1925 г. Сталинградская губерния.

³⁷ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 30.

(47,3% пашня, 14,2%, выгон, 2,6% сенокос и др.), Хоперского округа – 88,6% удобной земли (из которых 70% – пашня)³⁸.

Данные округа занимали лидирующие позиции по плодородности земель; уровень осадков также был значительно выше, чем в других округах, и достигал 350–500 мм. Отмечался низкий уровень грунтовых вод (от 3 до 17 м), было достаточное количество естественных водоемов³⁹. Привлекательные климатические условия способствовали притоку населения. Так, в Хоперском и Усть-Медведицком округах насчитывалось до 20 человек на 1 кв. версту, в то время как в Ленинском и Николаевском – до 8 человек⁴⁰.

Несмотря на достаточно высокий уровень плотности населения, Губземуправление, следуя инструкциям Наркомзема, предоставило для выбора представителям Чехословацкой коммуны пустующие земли именно в Усть-Медведицком округе, где основную часть жителей составляло казачество, которое в политическом отношении считалось «отсталым». Поэтому переселяющееся на эти земли иммигранты должно было играть, по мнению советского руководства, «роль культуртрегеров и являться политической опорой для работы среди казачества»⁴¹. Для этого Чехословацкая коммуна, учредителями которой были чешские коммунисты, вполне подходила. В итоге в пользование коммунарам был выделен пустующий земельный участок «Соленые пруды» бывшего немецкого землевладельца А. Вебера во Фроловском районе, в 34 км от хутора Фролова.

К концу марта 1925 г. Чехословацкая коммуна уже была полностью укомплектована необходимым инвентарем и сельхозтехникой. Первоначально выезд был назначен на 1 апреля 1925 г., чтобы успеть к весенней посевной кампании. Между тем разрешение на выезд коммуны за рубеж от чешского правительства было получено только к осени 1925 г.⁴² Новый срок выезда был назначен на 15 октября 1925 г., и только 8 ноября 1925 г. коммуна выехала из Чехословакии и 27 ноября прибыла на станцию Арчеда⁴³. В итоге, распродав все свое имущество, коммунары почти месяц провели на съёмных квартирах в ожидании отъезда, но самые большие проблемы их ждали впереди.

Из первоначального состава в Советский Союз прибыло 113 семей в количестве 385 человек. На средства внесенных паевых взносов была приобретена техника и сельхозинвентарь: 2 автомашины Шкода, 5 шт. мо-

³⁸ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л.34.

³⁹ Там же. Л. 34 об.

⁴⁰ Там же. Л. 38.

⁴¹ Там же. Л. 38.

⁴² Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 42. Л. 16.

⁴³ Там же. Л. 13.

лотильных машин с бензиновыми двигателями, 2 мощных 6-корпусных плуга с тракторами Шкода, 200 борон, 50 конных плугов, 25 уборочных косилок-самосбросок, 25 травокосилок, 25 рядовых конных сеялок, 20 культиваторов, 1 комплект вальцевой мельницы с нефтяным двигателем, механическая мастерская в комплекте с токарным и сверлильным станками, двигателем и кузницами – всего на 10 рабочих мест, механизированная плотницко-столярная мастерская на 10 рабочих мест, сапожно-портняжная мастерская на 12 рабочих мест, оборудование кухни и столовой на 600 человек и др. Чехословацкая коммуна, таким образом, была полностью оснащена необходимым оборудованием для успешного ведения сельского хозяйства и укомплектована кадрами.

Однако по прибытии оказалось, что на участке, вопреки уверениям Я. Гребачки, практически не было строений, пригодных для проживания. При этом в пользование коммунарам предоставлялся большой земельный надел размером в 1174 десятины земли. Коммуна в течение трех лет освобождалась от арендной платы за участок и уплаты налогов⁴⁴.

В результате создавшейся ситуации разместить на предоставленном участке смогли только две семьи, остальные члены коммуны были расселены по домам и квартирам местных жителей хутора Фролов. Квартир, топлива и продуктов катастрофически не хватало. Часть семей проживала в товарных вагонах, другие ютились в сараях. Вина за сложившуюся ситуацию была возложена на главного организатора Я. Гребачка, который приехал во Фролово на два месяца раньше членов коммуны и за имевшееся время не подготовил условия к их приезду. На первом же собрании коммуны он был исключен из ее рядов и выдворен за пределы СССР⁴⁵. Однако вслед за организатором уехало еще 37 семей, часть из которых вернулась в Чехословакию, а часть разъехалась в другие регионы Советского Союза. К марту 1926 г. в составе коммуны насчитывалось 83 семьи и 312 человек; из них на частных квартирах были размещены 32 семьи и 110 человек, на участке – 20 семей в составе 82 человек, в казармах размещалась еще 31 семья в количестве 120 человек⁴⁶. На 1 июля 1926 г. в составе организации уже осталось 38 семей и 152 человека, из них 80 мужчин и 72 женщины; трудоспособных – 84 человека, включая подростков с 14 лет⁴⁷.

⁴⁴ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 42. Л. 13–14.

⁴⁶ Там же. Ф. 1722. Оп. 1. Д. 228. Л. 78.

⁴⁷ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 107.

Обустройство на участке и первые годы деятельности коммуны

Наркомзем СССР, учитывая опыт приема других иностранных трудовых колоний, в подписанный коммуной договор включил пункт, обязывающий коммуны открыть в сельскохозяйственном банке Сталинграда вклад на 10 000 руб., который, в случае непредвиденных обстоятельств, должен был стать оборотным капиталом организации. Однако данный пункт договора правлением коммуны так и не был выполнен. В результате по прибытии на границу у коммуны не оказалось средств даже для того, чтобы отправить вагоны с имуществом и техникой к месту проживания.

Несмотря на политику советского правительства, предписывавшую приезжавшим в СССР трудовым иммигрантам обустраиваться и проживать на собственные средства, в сложившихся обстоятельствах коммуне был предоставлен кредит в размере 3 000 руб. от СТО СССР, Сталинградского губисполкома – 2 000 руб., а также кредит материалами от разных организаций на сумму 2 180 руб. В соответствии с постановлением КомСТО СССР от 1 марта 1926 г. об оказании помощи «Сельскохозяйственной коммуне Чехословацких эмигрантов»⁴⁸ через посредничество Фроловского сельскохозяйственного товарищества коммуне выделялся кредит и ссуда от Сталинградского сельхозбанка в размере 12 000 руб. на транспортировку вагонов, закупку продуктов питания, оплату топлива и квартир, закупку скота, семян и другие производственные нужды⁴⁹, 855 пудов семян (пшеницы, ячменя, селекционных семян овса и подсолнечника). Также коммунары получили разрешение реализовать лишний грузовой транспорт и приобрести на вырученные средства трактора⁵⁰. Помощь коммуне строительными материалами, продуктами питания регулярно оказывалась также волостным исполкомом Арчадино-Чернушинской и Кременской волостей, окружным комитетом Усть-Медведицкого округа, а также местными кооперативными учреждениями.

Губернскому совету народного хозяйства на состоявшемся 1 марта 1926 г. междуведомственном совещании партийных и хозяйственных организаций губернии было предложено разместить часть кустарей коммуны на фабрично-заводских предприятиях, а не занятых в производстве коммуны сельскохозяйственных рабочих – в совхозах губернии. Также было решено принять меры к оказанию всесторонней материально-технической и финансовой помощи той части коммуны, которая будет организована в

⁴⁸ ГАВО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 509. Л. 55.

⁴⁹ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 6; Ф. 37. Оп. 3. Д. 509. Л. 57–58.

⁵⁰ Там же. Ф. 37. Оп. 3. Д. 509. Л. 59–60.

отдельные ремесленные артели⁵¹. Выделенные коммуне средства были сразу же направлены на производственные нужды – приобретение племенного и рабочего скота, тракторов «Фордзон», а также погашение предыдущих кредитов.

Между тем в распоряжении коммуны находился значительный земельный массив – территория бывшего совхоза «Соленые пруды», на обустройство которого и уходила большая часть выделенных государственными и кооперативными учреждениями средств. Предоставленные коммуне 1 174 десятины земли распределялись следующим образом: пашня и сенокос составляли 883 десятины, неудобной земли – 264 десятины, 17 десятин было занято лесными угодьями, а на площади 8 десятин располагалась усадьба⁵².

Весной 1926 г., в первый год работы коммуны, посевная площадь составила 172,5 десятин⁵³. Большую часть посевов выделили под пшеницу – 76 десятин, под ячмень – 32 десятины, овес – 26 десятин и проч.⁵⁴ Возделывались коммунарами также овощные, бахчевые и технические культуры. Однако в тот год из-за позднего сева и низкого уровня осадков урожайность ожидалась ниже средних показателей по губернии.

К 1927 г. общая сумма задолженности коммуны составила более 20 тыс. рублей⁵⁵. Все заемные средства направлялись на производственные нужды – реорганизацию хозяйства, улучшение жилищных условий, создание новых производственных мощностей. Так, уже к концу 1926 г. было отремонтировано семь жилых помещений, в которых разместились двадцать семь семей, однако дефицит жилого фонда сохранялся и часть коммунаров вынуждена была по-прежнему размещаться в хуторе Фролов. Была открыта хлебопекарня, отремонтировано помещение для слесарной мастерской, приступили к строительству мельницы, организовано кирпичное производство.

В 1927 г. в сельскохозяйственном производстве было занято 23 члена коммуны, часть коммунаров ушла в организованные кустарные мастерские. Сокращение людских ресурсов, проблемы с техникой не позволяли достичь стабильного роста посевной площади. Так, если в 1926 г. она составляла 172,5 десятин, а в 1927 г. достигла 329 десятин, то в 1928 г. вновь сократилась до 288,5 десятин, что было обусловлено, в первую очередь,

⁵¹ ГАВО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 509. Л. 54.

⁵² Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 106.

⁵³ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

⁵⁴ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 107.

⁵⁵ Там же. Л. 107.

отсутствием исправной техники и переходом фактически к ручному труду и распашке с привлечением тягловой силы⁵⁶. Привезенная коммунарами техника без профессионального обслуживания и запасных деталей постоянно выходила из строя⁵⁷. Заказанные в Чехословакии детали, как правило, приходилось ждать больше года. Значительная часть привезенной техники являлась просто мертвым капиталом в балансе коммуны, поскольку ее технические характеристики не соответствовали местным климатическим условиям.

Между тем список инвентаря в описи имущества коммуны состоял из 45 позиций, среди которых были на тот момент и весьма редкие для советской деревни тракторы, грузовики, культиваторы, рядовые и дисковые сеялки, плуги для уборки картофеля, травокосилки, лобогрейки, молотилки с двигателями, триеры, машинки для обработки льна, большой пресс для фруктов, свекло- и соломорезки, сеялки для семян огородных культур, кукурузные молотилки и другая техника на общую сумму более 30 тыс. руб. В описи значились и совершенно экзотические для деревенских жителей детские коляски, пишущие машинки, стиральная машина, коптилки, машины для колбасного производства и другое оборудование, которое, к сожалению, в условиях скудости советской деревни и ограниченности финансовых возможностей коммунаров приходилось распродавать⁵⁸.

Более перспективной для коммуны оказалась сфера развития скотоводства, в которой удалось уже в первые годы достичь заметных результатов. При этом особое внимание уделялось развитию племенного скотоводства и, в частности, коров симментальской породы и свиней йоркширской.

Таблица 1 / Table 1

**Поголовье скота в «Сельскохозяйственной коммуне чехословацких эмигрантов» (1926–1928 гг.) /
Livestock in the “Agricultural commune of Czechoslovak emigrants” (1926–1928)**

Годы	Лошадей	Волов	Коров	Мелкий скот	Овец	Свиней
1926	8	8	7	5	–	–
1927	10	18	19	15	–	–
1928	15	29	14	21	79	80

Источник: ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–7.

⁵⁶ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Л. 9.

⁵⁸ Там же. Л. 15; Ф. 1772. Оп. 1. Д. 228. Л. 45–46.

Как видно из таблицы 1, третий производственный год позволил в сельскохозяйственной коммуне практически по всем видам удвоить или утроить показатели.

Создание и деятельность «Товарищества Чехословацких эмигрантов»

Среди приехавших из Чехословакии коммунаров, кроме сельских пролетариев, были рабочие разных специальностей: 2 слесаря, 3 сапожника, 5 каменщиков, 3 тракториста, а также имевшие навыки работы в кирпичном и черепичном производстве, выработке бечевы. Это позволило в декабре 1925 г., кроме сельскохозяйственного производства, в хуторе Фролов организовать ремонтные механические мастерские – слесарную, столярную, кузницу и пошивочные – обувную и портняжную, в которых было занято около 50 человек⁵⁹. В конце 1926 г. задействованные в мастерских рабочие объединились в производственно-кооперативное «Товарищество Чехословацких эмигрантов» и артель «Чешский металлист» (позже «Красный вагранщик»).

Усилиями членов «Товарищества Чехословацких эмигрантов» была восстановлена полуразрушенная мельница и электростанция во Фролове. В 1928 г. товариществом были организованы первая механизированная обувная мастерская, подсобное полукустарное кожевенное производство в хуторе Грачи. В 1929 г. началось строительство более мощного кожевенного завода, который был введен в эксплуатацию в 1930 г.⁶⁰

В соответствии с уставом кооперативно-промысловое «Товарищество Чехословацких эмигрантов» учреждалось как организация со смешанным производством (мукомольное, хлебопекарное, кожевенное, сапожное) в системе кустарно-промысловой кооперации Сталинградской губернии под эгидой Сталкожпромсоюза⁶¹. С 1930 г., после закрытия мукомольного производства, акцент был перенесен на развитие обувного и кожевенного производства.

В 1926 г. в составе кустарно-промыслового товарищества на момент организации числилось 15 членов. В дальнейшем наблюдался их заметный рост: в 1927 г. – 26, 1928 – 41, 1929 – 50, 1930 – 62, 1931 – 66, 1932 – 80, 1933 – 78, 1934 – 133, 1935 – 175, 1936 – 204 человека⁶².

На предприятиях товарищества практиковалась сдельная оплата труда, был введен хозрасчет. В 1931 г. за перевыполнение промфинплана то-

⁵⁹ ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 107.

⁶⁰ Там же. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 об.

⁶¹ Там же. Д. 4. Л. 1.

⁶² Там же. Л. 2; Д. 10. Л. 1; Д. 30. Л. 63.

варищество было награждено Сталкожпромсоюзом переходящим Красным знаменем и почетной грамотой⁶³. Стабильного роста производства товариществу удалось достичь уже во второй пятилетке.

Таблица 2 / Table 2

**Рост валовой продукции производственных предприятий
«Товарищества Чехословацких эмигрантов» во второй пятилетке (в тыс. руб.) /
Growth of gross output of production enterprises of the "Association of
Czechoslovak Emigrants" in the second five-year plan (in thousand rubles)**

Вид производственного предприятия	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Кожевненное	375	420,1	471,1	477,5	508,2
Обувное	842	923,5	1007,1	1079,6	1159
Галантерейное	–	12,5	250	555	750

Источник: ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Д. 6. Л. 3.

Как видно из таблицы 2, производственным предприятиям товарищества удалось достичь стабильного роста валовой продукции, в связи с чем появилась возможность организовать новую линию по производству галантерейных товаров. Кроме того, благодаря внедрению рацпредложений удалось наладить фактически безотходное производство. Так, в ассортименте выпускаемой товариществом продукции были сандалии мужские, чуваки, ботинки, сапоги и туфли. При этом кожаные обрезки, оставшиеся после изготовления основного ассортимента, использовались при изготовлении так называемых спортивных и детских ботинок; совсем мелкие части кожаных лоскутов направлялись на изготовление столярного клея. Только в 1932 г. товарищество реализовало на потребительском рынке 5 000 пар чувак, 1 500 ботинок, 200 пар спортсменок и другую обувь⁶⁴. Благодаря стабильному росту производства в 1932 г. прибыль товарищества составила 63 700 руб.⁶⁵

На заводе по производству кожаных изделий вырабатывалась телячья, свиная, овечья кожа. Во второй пятилетке планировалось полностью перейти к переработке кожи рыб, желудочной пленки и изготовлению искусственной кожи (так называемой имитации кожи)⁶⁶.

⁶³ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Д. 10. Л. 1.

⁶⁴ Там же. Л. 4.

⁶⁵ Там же. Д. 7. Л. 7.

⁶⁶ Там же. Д. 6. Л. 3.

Свидетельством стабилизации финансового положения товарищества являлся и факт поступательного расширения жилищного фонда, организация собственной столовой, строительство нового кирпичного здания обувной фабрики. К 1933 г. вводился в эксплуатацию склад готовой продукции стоимостью 5 000 руб., жилой дом на пять семей. К концу второй пятилетки планировалось всех рабочих товарищества обеспечить жильем⁶⁷. Сумма всех капиталовложений в товариществе за 1935 г. составила 33 821 руб. (средства были направлены на приобретение новых торговых и производственных зданий, промышленного оборудования)⁶⁸.

По мере расширения производства основных предприятий одной из проблем для правления товарищества стало снабжение предприятий необходимым объемом сырья. В первую очередь, сырьем обеспечивались городские предприятия в системе Сталкожпромсоюза, затем уже сельские, которые зачастую снабжались по остаточному принципу. Поэтому своеобразным «браком по расчету» стало слияние «Сельскохозяйственной коммуны Чехословацких эмигрантов» и «Товарищества Чехословацких эмигрантов». Коммуна благодаря слиянию смогла погасить кредиты, а для товарищества коммуна стала своеобразной сырьевой базой и подсобным хозяйством.

Таким образом, после приезда в Усть-Медведицкий округ часть коммунаров осталась в хуторе Фролов, организовав мастерские и затем кустарно-промысловые кооперативы, другая часть коммунаров продолжила заниматься сельским хозяйством на участке «Соленные пруды». До 1932 г. «Чехословацкая сельскохозяйственная коммуна» и производственное «Товарищество Чехословацких эмигрантов», а также артель «Красный вагранщик» (в 1960–1970-е гг. завод «Металлист») с литейно-механическим и кроватным производством существовали отдельно. В 1932 г. «Чехословацкая коммуна» стала сельскохозяйственным цехом «Товарищества Чехословацких эмигрантов».

Благодаря слиянию было решено сразу несколько проблем кооперативно-производственных организаций трудовых иммигрантов. Товарищество обеспечивало себя продуктами сельскохозяйственного производства, мясом. Скот, имеющийся у членов товарищества, снабжался кормами. Были ликвидированы долги коммуны, выполнен план по посеву, отремонтирова-

⁶⁷ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.

⁶⁸ Там же. Д. 29. Л. 27.

ны здания и подсобные постройки. Один трудодень рабочего сельхозцеха после слияния составлял 2 руб. 50 коп.⁶⁹

Оборот товарищества за 1935 г. достиг 1 095 349 руб., из этого объема на долю сельскохозяйственного производства приходилось 136 751 руб.⁷⁰ Укрепление финансовой базы товарищества способствовало расширению производственных мощностей. Так, в 1933 г. ежемесячно выпускалось более 5 000 пар чувак и 500 ботинок⁷¹. В 1935 г. обувные ремонтные мастерские товарищества были открыты в 11 населенных пунктах Сталинградского края. Продукция товарищества была известна далеко за пределами Фроловского района. Ее покупали, кроме Сталкожпромсоюза, предприятия и организации Саратова и Ростова⁷².

Культурно-просветительская деятельность в чехословацкой иноколонии

Как уже отмечалось ранее, выделяя чехословацкой сельхозкоммуне земли в Усть-Медведицком округе, населенном преимущественно казачеством, власти преследовали не в последнюю очередь культурно-просветительские задачи. Надеялись, что Чехословацкая коммуна среди политически амбивалентного казачества будет играть роль «культуртрегерскую», демонстрируя высокий уровень аграрной культуры и политическую активность.

Действительно, среди приехавших в Советский Союз коммунаров отмечался высокий уровень грамотности: все коммунары от 14 до 44 лет считались грамотными, дети от 6 до 14 лет проходили обучение в коммуне⁷³. В апреле 1927 г. в коммуне открылась своя школа. Однако в процессе обучения иностранцы сразу же столкнулись с проблемой дефицита учебной литературы на родном языке и отсутствием достаточного количества школьного оборудования.

В 1927 г. Сталинградский губернский отдел народного образования выделил окружному комитету народного образования 450 руб. на организацию детской площадки в коммуне. Ясли, которые были созданы коммунарами летом 1926 г., стали для Арчадино-Чернушинской волости настоящим событием. Из волостных сел съезжались местные жители, чтобы посмотреть, как организовано учреждение для детей коммунаров. Питание,

⁶⁹ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 7. Л. 13.

⁷⁰ Там же. Д. 30. Л. 9.

⁷¹ Там же. Д. 7. Л. 69 об.

⁷² Там же. Д. 13. Л. 61.

⁷³ Там же. Д. 3. Л. 7.

оборудование, оплата воспитателей производились из общего бюджета коммуны⁷⁴.

При коммуне функционировал клуб, рассчитанный на 50 человек, в котором регулярно ставились пьесы европейских авторов. Большим успехом, по воспоминаниям коммунаров, пользовались две пьесы, автором которых был учитель коммуны. Только в 1928 г. было поставлено 10 спектаклей, из которых 5 на русском языке и 5 на чешском. Некоторые коммунары играли на музыкальных инструментах, что позволило со временем создать свой оркестр. Имелись в коммуне собственные кино- и радиоустановки, регулярно отмечались советские праздники, на которые приглашалось местное население. В октябре 1926 г. в коммуне была организована своя партийная ячейка. 96 членов коммуны изъявили желание пройти перерегистрацию и вступить в ряды ВКП(б), однако из всех поданных заявок было утверждено всего лишь 34⁷⁵.

В коммуне выписывались газеты «Известия», «Поволжская правда», «Крестьянская газета», «Пионер» на русском языке и три периодических издания на чешском языке. Усилиями рабочих «Товарищества чехословацких эмигрантов» был организован выпуск многотиражки «Голос кустаря» (позже «За ширпотреб»), которая тиражировалась на собственном копировальном аппарате – стеклографе. Тираж газеты составлял 500 экземпляров; она выпускалась раз в пять дней и являлась первым печатным органом промысловой кооперации в округе⁷⁶.

В середине 1930-х гг. наступил очередной этап реорганизации производственно-кооперативных объединений чехословацких трудовых иммигрантов. Сельхозцех «Товарищества Чехословацких эмигрантов» был реорганизован в колхоз «Парижская коммуна», который в 1958 г. был объединен в Зеленовский зерносовхоз. В предвоенные годы часть коммунаров интегрировалась в хозяйственные и партийные управленческие кадры Фроловского района. Так, например, Карл Адольфович Паулик – председатель правления сельхозцеха «Товарищества Чехословацких эмигрантов» с 1936 по 1937 гг. являлся заместителем директора МТС артели «Чернушка», в 1938–1939 гг. – заведующим парткабинетом Фроловского районного комитета ВКП(б), а в 1943–1944 гг. возглавлял Райпромкомбинат города Фролово. Он был участником Великой Отечественной войны, воевал в составе

⁷⁴ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

⁷⁵ Там же. Д. 3. Л. 7.

⁷⁶ Там же. Д. 6. Л. 4.

1-го Чехословацкого армейского корпуса, сформированного в СССР. После войны до 1959 г. работал в артели «III Интернационал»⁷⁷.

Еще один коммунар – Томас Юзефович Томан работал в коммуне механизатором с 1925 по 1930 гг., был приглашен преподавателем в школу «Колхозной молодежи», затем в сельскохозяйственный техникум во Фролово, где преподавал механизацию сельского хозяйства. В 1938 г. вернулся в кустарно-промысловую артель «Красный вагранщик», но уже на должность технического руководителя, где проработал до 1944 г.⁷⁸ До сих пор в Волгоградской области проживают потомки прибывших в 1925 г. в Сталинградскую губернию чехословацких коммунаров.

Выводы

На примере функционирования организаций трудовых иммигрантов Чехословакии в Сталинградской губернии можно прийти к выводу, что государственная политика СССР в сфере трудовой иммиграции в процессе ее реализации приобретала весьма определенную региональную специфику. Так, вопреки существующим законодательным постановлениям, предписывавшим организованным группам трудовых иммигрантов осуществлять обустройство и организацию производственной деятельности, опираясь на внутренние источники накопления, коммуне из Чехословакии оказывалась всесторонняя хозяйственно-экономическая помощь со стороны советских, партийных и кооперативно-хозяйственных организаций разного уровня.

Несмотря на многочисленные трудности, которые пришлось преодолеть чехословацким трудовым иммигрантам, опыт организации и функционирования созданных ими на территории Сталинградской губернии кооперативно-производственных объединений являлся успешным примером международного сотрудничества трудящихся в СССР. К 1936 г. в «Товариществе Чехословацких эмигрантов» состояло уже более 200 человек. При этом организация являлась по-настоящему интернациональной. Сообща в ней трудились чехи, австрийцы, немцы, русские, украинцы, евреи, мордвинны. Производственные предприятия граждан Чехословацкой республики внесли заметный вклад в развитие и укрепление хозяйственного комплекса Сталинградской губернии. Благодаря усилиям членов товарищества было организовано фабричное производство обуви и кожаных изделий. Во многих селах Усть-Медведицкого округа (позже Хоперского округа) появились ремонтные обувные мастерские товарищества, открылись первые ясли, была введена в эксплуатацию электростанция. Из кустарной артели «Крас-

⁷⁷ ГАВО. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 42. Л. 10.

⁷⁸ Там же. Л. 14.

ный вагранщик», созданной чехословацкими рабочими, в 1960–1970-е гг. вырос завод «Металлист». Описанный опыт государственного регулирования трудовой иммиграции в СССР может быть успешно использован и в практике международного сотрудничества современной России.

© Ерохина О.В., Фурман Е.Л., 2018

Рукопись поступила: 31 июля 2018 г.

Submitted: 31 July 2018

References

- Aleshina, P., Golikov, S., Guljaev, A., and Dragunov, M. *Gor'kovskiy avtomobil'nyy: Ocherki istorii zavoda* [Gorky Automobile: Essays on the history of the plant]. Moscow: Profizdat, 1933 (in Russian).
- Bart, Lutikhuis W. "Postcolonial Migrants and Identity Politics: Europe, Russia, Japan and the United States in Comparison." *European Review of History: Revue europeenne d'histoire* 21 (2014): 917–919. <https://doi.org/10.1080/13507486.2014.892704>
- Belousova, O.A. "Inostrannye specialisty i sovetskaya deystvitel'nost': byt pervykh kuzneckstroevceev." [Foreign experts and Soviet reality: life first kuznetskstroei] In *Kuzneckaya starina*, 256–269. Issue 5. Novokuzneck: Kuzneckaya krepost Publ., 2003 (in Russian).
- "Dekret SNK RSFSR 'Pravila o porjadke, uslovijah i srokah ispol'zovanija gosudarstvennykh zemel'nykh imushhestv' 23.08.1923 g.'" [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "Rules on the procedure, conditions and terms of use of state landed property" August 23, 1923] In *Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-krestyanskogo pravitelstva RSFSR*, 1923, no. 74, art. 716 (in Russian).
- Inostrannye rabochie na strojke SSSR* [Foreign workers at the construction site of the USSR]. Moscow: Profizdat Publ., 1932 (in Russian).
- Judina, T.V., Bulatov, V.V., and Furman, E.L. "Japanese in the Russian Far East (1900s – early 1930s): Manpower problem on Kamchatka and Northern Sakhalin." *Bylye Gody* 32, no. 2 (2014): 276–281.
- "Koncessionnaya politika i praktika na Dal'nem Vostoke v 1920–1940-e gg.: kompromissy i rezul'taty." [Concession policies and practices in the Far East in the 1920s–1940s: trade-offs and results] *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations* 21, no. 3 (2016): 107–113. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.3.13> (in Russian).
- Kasyanenko, V.I. *Zavoevanie ekonomicheskoy nezavisimosti SSSR (1917–1940 gg.)* [The conquest of the economic independence of the USSR (1917–1940)]. Moscow: Politizdat, 1972 (in Russian).
- *Strana Sovetov i SShA: opyt i uroki sotrudnichestva v 1920–30-h godov* [Country of Soviets and the USA: experience and lessons of cooperation in 1920–30s]. Moscow: Znanie Publ., 1989 (in Russian).

- Khromov, S.S. *Industrializaciya Sovetskogo Soyuza: Novye dokumenty, novye fakty, novye podhody* [Industrialization of the Soviet Union: New Documents, New Facts, New Approaches]. Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN Publ., 1999 (in Russian).
- *Inostrannye kontsessii v SSSR: Istoricheskiy ocherk. Dokumenty* [Foreign Concessions in the USSR. Historical Sketch. Documents]. 2 parts. Moscow: RAN Publ., 2006 (in Russian).
- Lokshin, Je. Yu. *Ocherk istorii promyshlennosti SSSR 1917–1940 gg.* [Essay on the history of industry in the USSR in 1917–1940]. Moscow: Politizdat Publ., 1956 (in Russian).
- Lvunin, Yu.A. *Internacionalizm v deystvii: Internacional'nye svyazi sovetskogo rabocheho klassa v gody socialisticheskogo stroitel'stva v SSSR* [Internationalism in Action: International Relations of the Soviet Working Class in the Years of Socialist Construction in the USSR]. Moscow: Mysl Publ., 1985 (in Russian).
- Matushkin, P.G. *Druzhba, solidarnost'!: Internacional'nye svyazi ural'cev s trudyashhimisya zarubezhnyh stran* [Friendship, Solidarity!: International Relations of the Urals with Workers of Foreign Countries]. Chelyabinsk: Book Publ., 1960 (in Russian).
- *Uralo-Kuzbass – torzhestvo leninskoj politiki industrializacii* [Ural-Kuzbass – the triumph of the Leninist policy of industrialization]. Chelyabinsk: Book Publ., 1966 (in Russian).
- Muzhikov, I.P., Kanimetov, A.K., and Marechek, R.P. *Istoriya chehoslovackogo kooperativa «Intergel'po»* [The history of the Czechoslovak cooperative Intergelpo]. Frunze: Kyrgyzgosizdat Publ., 1957 (in Russian).
- Ozerov, L.S. *Delo trudyashhihsya vseh stran: Mezhdunarodnaya solidarnost' trudyashhihsya SSSR i zarubezhnyh stran v period stroitel'stva socializma v SSSR* [The Work of Workers of All Countries: The International Solidarity of the Working People of the USSR and Foreign Countries During the Construction of Socialism in the USSR]. Moscow: Politizdat, 1978 (in Russian).
- *Industrializaciya SSSR i mezhdunarodnyy proletariat 1926–1932 gg.* [The industrialization of the USSR and the international proletariat of 1926–1932]. Moscow: UDN, 1983 (in Russian).
- Pavlova, V.V. “Ispol'zovanie truda inostrannyh rabochih v promyshlennosti Sovetskoy Rossii v 1920–1930 gg. (na primere zavoda № 50).” [Use of labor of foreign workers in the industry of Soviet Russia in 1920–1930 (on the example of the plant № 50)] *Kazanskaya nauka*, no. 8 (2012): 9–14.
- Petrosyan, K.A. *Sovetskiy metod industrializacii* [The Soviet method of industrialization]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1951 (in Russian).
- Rubiner, F. *Partiyno-massovaya rabota sredi inostrannyh rabochih* [Party and mass work among foreign workers]. Moscow: Mysl' Publ., 1932 (in Russian).
- Schlarp, K.H. “Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion 1922–1933 unter besonderer Berücksichtigung der Landwirtschaft.” *Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert*: Norbert Angermann zum 60. Geburtstag. Lünenburg, 1996 (in Deutsche).
- Schmider, M. “*Fremdkörper im Sowjet-Organismus*” *Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunionen 1922–1934*. Franz Steiner Verlag, 2017 (in Deutsche).

- Sevostyanov, G.N., Tyurina, E.A., and Bakhturina, A. Yu. *Rossiya i SShA: yekonomicheskie otnosheniya. 1933–1941 gg.: Sb. Dok.* [Russia and the United States: economic relations. 1933–1941: Collection of documents]. Moscow: Nauka Publ., 2001 (in Russian).
- Shpotov, B.M. “Politika ispol’zovaniya zapadnyh tehnologiy kak faktor sozdaniya krupnoy industrii v SSSR.” [The policy of using Western technologies as a factor in creating a large industry in the USSR] *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, no. 4 (2003): 119–122 (in Russian).
- “Vzaimovospriyatie amerikancev i russkikh v gody pervoy pyatiletki (po materialam pressy i delovoy perepiski).” [The mutual perception of Americans and Russians during the First Five-Year Plan (based on press and business correspondence)] *Otechestvennaya istoriya*, no. 4 (2007): 135–140 (in Russian).
- Sibiriyak, V. *Na stroyke socialisticheskogo otechestva (inostranye rabochie i specialisty na nashih gigantah)* [At the construction site of the socialist homeland (foreign workers and specialists on our giants)]. Moscow: [S.n.], 1933 (in Russian).
- Sobranie uzakoneni i rasporyazheniy Raboche-krestyanskogo pravitelstva RSFSR* [The meeting is legalized and the orders of the Workers ‘and Peasants’ Government of the RSFSR], no. 10, art. 134, 1923; no. 53, art. 525, 1923; no. 74, art. 716, 1923; no. 15, art. 119, 1925; no. 20, art. 134, 1925 (in Russian).
- Tarle, G.Ya. *Druz’ya strany Sovetov. Uchastie zarubezhnyh trudyashchihsya v vosstanovlenii narodnogo hozhaystva SSSR v 1920–1925 gg.* [Friends of the Soviet Union. Participation of foreign workers in the restoration of the national economy of the USSR in 1920–1925]. Moscow: Nauka Publ., 1968 (in Russian).
- Vittenberg, Je., Mate, Je., and Poze, F. *Berlinskie proletarii rasskazyvayut* [Berlin proletarians tell]. Moscow: Profizdat Publ., 1933 (in Russian).
- Zagorul’ko M.M., and Bulatov V.V. *Narkomzemovskie koncessii: sel’skoe hozjaystvo i vodnye promysly* [Concessions of the People’s Commissariat of Agriculture: agriculture and water crafts]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe Publ., 2010 (in Russian).
- Zhuravlev, S.V. “Malen’kie lyudi” i “bol’shaya istoriya”. *Inostrancy moskovskogo Jelektrozavoda v sovetskom obshchestve 1920–1930-h gg.* [“Little People” and “big story”. Foreigners of the Moscow Electroavod in Soviet society of the 1920s–1930s.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000 (in Russian).

Archives

- GAVO, f. R-1229, op.1, d. 3, 4, 6, 7, 10, 12, 13, 29, 30, 42.
- GAVO, f. R-10, op. 1, d. 57.
- GAVO, f. R-1722, op. 1, d. 228.
- GAVO, f. R-37, op. 3, d. 509.

The organization of labour immigrants from Czechoslovakia in Frolov district of the Lower-Volga region in the 1920 and 1930s

Olga V. Erokhina^a, Ekaterina L. Furman^b

^a Moscow Pedagogical State University, Institute of History and Politics
88 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia
erohina1@mail.ru

^b Volgograd State University,
100 Prosp. Universitetsky, Volgograd, 400062, Russia
ekaterina.furman@volsu.ru

Abstract: Based on unpublished archival sources, this article considers the history and development of industrial organizations of labour immigrants from Czechoslovakia on the territory of the Lower Volga region in the 1920 and 1930s. The activities of the “Agricultural commune of Czechoslovak emigres” and the handicraft “Association of Czechoslovak Emigrants” illustrate how Soviet legislation was applied to labour immigration, how party authorities and economic bodies related to the two immigrant units, and how foreign workers adapted to the conditions in the USSR. Despite the many difficulties that labour immigrants had to overcome, their activities on the territory of Stalingrad province constitute a successful example of international workers’ cooperation in the USSR. The authors demonstrate that the production associations of labour immigrants from Czechoslovakia made a significant contribution to the strengthening and development of the economic complex of Frolov district in the Lower Volga region during the period under review. Through the efforts of the Czechoslovak citizens, shoe production and tanning were organized for the first time on industrial level. Later a metal plant emerged on the basis of the “Krasny Vagranshik” artel created by immigrants from Czechoslovakia. The experience of state regulation on labour immigration in the USSR can be successfully used in modern Russia’s practice of international cooperation.

Keywords: labour immigrants, agricultural commune, artisanal association, Czechoslovakia, USSR, Stalingrad province, Lower-Volga region

For citation: Erokhina, Olga V., Furman, Ekaterina L. “The organization of labour immigrants from Czechoslovakia in Frolov district of the Lower-Volga region in the 1920 and 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 890–913. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-890-913>